

Георгиевский Э. В.

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/16.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 35-37. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

деятельности правоохранительных органов.

В связи с этим полагаем, что термин «насилие» является исключительно криминологическим понятием, а использование его в диспозициях уголовно-правовых норм является нецелесообразным.

Список литературы

- Большая советская энциклопедия** / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е издание. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – Т. 17.
Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: Инфра, 1998.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 2.
Политологический словарь / Под ред. В.Ф. Халипова. – М.: Высш. школа, 1995.
Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА ИНФРА-М, 1998.
Современная философия: словарь и хрестоматия / Отв. ред. В.П. Кохановский. – Ростов н/Д, 1995.
Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Преступления и проступки против личности: В 2 т. – СПб., 1876. – Т. 1.
Романков А. Н. Уголовно-правовая характеристика насильственного способа совершения преступлений против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000.
Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – М.: Изд-во БЭК, 1999.
Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Георгиевский Э. В.

Юридический институт Иркутского государственного университета

Идея предупреждения преступности берет свое начало в далекую архаическую эпоху – в период зарождения протоправа, как социально-правового регулятора общественных отношений в догосударственном обществе. Именно с появлением первых преступлений, очевидно, возникает своеобразная практика по «предохранению» от их возможного повторения. Учитывая важность религиозной составляющей в древних обществах, вполне уместно предположить, что именно религиозные институты выступали на первых порах главнейшими субъектами преступной профилактики.

С началом развития государственности в Древней Руси и процессами ее христианизации, огромная роль в профилактике преступлений начинает отводиться Русской православной церкви, так как именно она, наряду с княжеской властью делит властные полномочия, во многом определяя пути политического и социально-экономического развития древнерусского общества. А это, в свою очередь, предопределяет уровень такого предупреждения преступности, который носит смешанный обще-специальный характер.

Каким образом осуществлялась подобная превенция? Как показывает опыт исследования, достаточно разнообразными, для своего времени, способами.

Во-первых, профилактика возможных преступных посягательств (причем не только непосредственно религиозного характера) осуществлялась на законодательном уровне. И хотя подобные положения не носили общего характера (законодательные превентивные рекомендации касались в основном некоторых видов посягательств, например, направленных против нравственности), они, безусловно, обладали достаточно серьезным предупреждающим действием.

Во-вторых, посредством распространения на Руси апокрифической и житийной литературы, герои которой представляли собой образцы для подражания. Их праведная жизнь и подвиги во имя веры являлись образцом для подражания, и, наоборот, ярко высвечивались мучения грешников в аду, совершавших различные нарушения церковных канонов в жизни земной.

Так, в апокрифе «Хождение богородицы по мукам» достаточно красочно описываются страдания грешников, не веривших в Троицу и Богородицу; почитавших языческих богов; проклятые своими родителями; людоеды; нарушители крестной клятвы; сплетницы; лица, пропускавшие пасхальную заутреню; клеветники; вздорщики; разлучавшие брата с братом и мужа с женой; попадьи, не почитавшие своих мужей и после их смерти вторично выходявшие замуж; монахини-блудницы; блудники (прелюбодеи); воры; пьяницы; немилостивые князья; епископы и патриархи, цари, не творившие воли божией; сребролюбцы; ростовщики; беззаконники. Эти несчастные подвергаются сожжению в огненной реке, подвешиваются на железных деревьях за различные части тела (руки, ноги, язык), их едят змеи, грызут черви и т.д. [Хрестоматия по древней русской литературе 2002: 92–97]. Такие живописные картины производили неизгладимое впечатление на «пугливое воображение язычника и отрезвляющим образом влияла на его нравственное поведение» [Карташев 1992: 245].

Но вот что интересно применительно к апокрифической литературе – практически вся она, в том числе и «Хождение», попадала в разряд «отреченной», «ложной» литературы. «Весь апокриф, – пишет Н. К. Гудзий, – проникнут свободомыслием в отношении к установленной религией нормам и понятиям; он не щадит

грешников, не только рядовых, но и таких, которые, в силу своего иерархического положения, были под защитой официальной церкви: епископов, патриархов, черниц, немилостивых князей и царей, не творящих воли божьей» [Гудзий 2002: 35]. Так, пожалуй, впервые в Древней Руси назревает своеобразный конфликт интересов между патриархами ортодоксальной церкви, выполняющей управленческие государственные функции и князьями, как носителями светской власти, с одной стороны, и догматами веры, не делающей скидку на социальное неравенство людей, с другой. Однако это не приводит к зарождению служебных преступлений в Древней Руси. Апокрифическая литература фактически становится литературой запрещенной, несмотря на все свое позитивно-превентивное воздействие. Хотя, справедливости ради необходимо отметить, что отрывки некоторых апокрифических произведений входили составной частью практически во все юридические сборники – «Кормчие книги», «Номоканоны», «Мерило праведное», например, «Книга Еноха» [Рогов 2007: 76].

Практически, то же самое касается и литературы житийной, в которой наряду с «душепольными словами» также содержались правила поведения людей в различных житейских обстоятельствах. Так, например, в «Изборнике» князя Святослава Ярославича, составленном в 1076 г., в «Слове некоего калугера о чте- ньи книг» говорится о том, что как корабль не может быть построен без гвоздей, так и праведник не может существовать без почитания книжного. А в «Речи Ксенофонта к своим сыновьям» устанавливаются следующие правила: жить без лукавства, любить ближних независимо от их сана и, несмотря, на «норов великий», не укорять, не завидовать, никому не вредить, защищать убогих и вдовиц, миловать немощных, стыдиться черноризцев, почитать матерей [Хрестоматия по древней русской литературе 2002: 35].

Наиболее рельефно должное поведение истинного христианина представлено в Поучении Владимира Мономаха, обращенном к своим детям. Это произведение нельзя воспринимать только лишь как «духовное» завещание любящего отца. Поучение – прежде всего наставление державного правителя, обращенное к своим наследникам, которые должны править таким образом, чтобы не попасть в разряд тех самых «немилостивых» князей. Прежде всего, Владимир Мономах призывает своих детей к любому делу подходить со страхом Божиим в сердце. «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и прида- вайте сироте и вдовицу оправдате сами, а не вдавайте сильным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его, аще будет повинен смерти; а душа не погубляйте никакаяже хрестьяны. Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богом, ни хреститесь, нету бот и нужда никоеяже...» [Хрестоматия по древней русской литературе 2002: 37].

Конечно, объемы профилактического воздействия житийной и апокрифической литературы были мини- мальны – слишком мало было на Руси в это время читающих. Хотя, например, согласно данным Н. И. Ко- стомарова, именно при Владимире за каких-нибудь двадцать лет возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений перешагнувших своих родителей. «Эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проповедниками переходившей вместе с религиею образованности, борцами за начала государственные и гражданские» [Костомаров 1993: 6]. А при Ярославе была продолжена традиция обучения книжности, составлялась библиотека, хранившаяся в Храме Святой Софии [Костомаров 1993: 15].

В-третьих, превенция осуществлялась и художественными средствами. Одним из обычаев древнерусско- го религиозного искусства являлось изображение Страшного Суда в задней части храмов. В кар- тине Страшного Суда древнерусскими иконописцами достигался изумительный художественный эффект, основанный на тонком сочетании и противопоставлении картин «царства правды» и «полета праведных душ» с картинами «совершающегося на земле ада». «В этой картине Страшного суда мы ясно видим, как в мирочувствии иконописца относятся друг к другу эти два крайних предела бытия. Это – мироощущение, повышенное в самом существе своем. С одной стороны, мы имеем здесь живое, действенное ощущение со- вершающегося на земле ада; ясное созерцание той бездны, куда ниспадает завязывающаяся здесь, на земле, греховная цепь, а с другой стороны, яркое конкретное видение неба, куда направляется светлый духовный подъем и полет» [Философия русского религиозного искусства 1993: 240 – 241].

В-четвертых, профилактика осуществлялась также путем проповедования, осуществляемого священно- служителями. И здесь необходимо отметить наиболее выраженный специальный уровень преступной про- филиактики, так как духовные отцы церкви именно в этом случае имели дело непосредственно с преступни- ками-грешниками.

К слову сказать, и сегодня Русская православная церковь продолжает свои благие вековые традиции в данном направлении, хотя, необходимо отметить, что современная криминология относит церковь к числу неспециализированных субъектов профилактики. Так, в соответствии с параграфом восьмым III раздела Основ социальной концепции Русской православной церкви, одной из областей сотрудничества Церкви и госу- дарства являются труды по профилактике правонарушений. А в соответствии с параграфом вторым IX раз- дела «профилактика преступности возможна прежде всего через воспитание и просвещение... В этом деле Православная церковь призвана к активному взаимодействию со школой, средствами массовой информа- ции, правоохранительными органами. При отсутствии в народе положительного нравственного идеала ни- какие меры принуждения, устрашения или наказания не смогут остановить злой воли. Именно поэтому лучшей формой предотвращения нарушений закона является проповедь честного и достойного образа жи- зни...» [Каневский 2003: 58 – 59].

Эти положения Основ социальной концепции вряд ли можно переоценить. Речь идет о положительном нравственном идеале, который должен существовать в народе и в каждом отдельном взятом человеке. Иными словами речь идет о социальной и индивидуальной духовности. Современная российская криминология, в буквальном смысле слова, находится на распутье. С одной стороны, пройден слишком большой путь по доказыванию возможности искоренения преступности, с другой, сегодня все чаще раздаются голоса о том: «А не прав ли был пессимист Лист»? Очень интересные мысли высказывает по этому поводу А. А. Тер-Акопов, полагающий, что именно духовность является тем существенным фактором, образующим некоторую интегративную причину различных преступлений, и которая отечественной криминологией в механизме преступного поведения до недавних пор практически не выделялась [Тер-Акопов 2005: 549]. Однако именно духовность может быть реальным предметом профилактического воздействия и это очень хорошо понимали наши далекие православные предки.

Список литературы

- Гудзий Н. К. История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2002.
- Каневский К. Социальная концепция русской православной церкви. Институт государства глазами православных христиан // Российская юстиция. 2003. - № 2. - С. 53 – 59.
- Карташев А. В. Собрание сочинений: В 2 т. - Т. 1: Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. – М.: ТЕРРА, 1992.
- Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М.: Мысль, 1993.
- Рогов В. А. Право – пространство – время в богословии и средневековой Руси (о средневековых вероятностях и идеях в перспективе) / В. А. Рогов. – М.: МГИУ, 2007.
- Тер-Акопов А. А. Духовность в механизме преступного поведения // История развития уголовного права и ее значение для современности: Материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 26 – 27 мая 2005 г. – М.: ЛексЭст, 2006.
- Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. / Антология. – М.: Прогресс, 1993.
- Хрестоматия по древней русской литературе XI – XVII вв. / Составитель Н. К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2002.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКА КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ – КНИГИ «ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ СТРАТАГЕМ»

*Глухов В. А., Глухова Н. Н.
Марийский государственный технический университет*

Предотвращение конфликтов и управление ими представляет собой важную задачу современности. Разрешение этой задачи есть по существу конфликт с конфликтами, а значит, для него могут использоваться те же методы, что применяются при ведении конфликтов.

За время человеческой истории произошли сотни тысяч конфликтов, и многие из них описаны и проанализированы, при этом самый большой опыт такого рода, бесспорно, накоплен в Китае. Он нашел отражение в небольшой, не имеющей автора, книге под названием «Тридцать шесть стратагем» [Искусство управления 2004: 338 - 420], создание которой относят к XVII веку. В переводе на европейские языки термин «стратагема» звучит несколько непривычно, поэтому вполне допустимо понимать его как «прием» или «метод». Эта книга, несомненно, содержит много ценной информации, и в самом Китае цитаты из нее используются как пословицы [Малявин 2004: 339 - 341]. Тем не менее, для европейского читателя, даже после неоднократного прочтения, её смысл остается достаточно сложным для интерпретации из-за высокой афористичности, наличия гексаграмм, китайских имен и фамилий и т.д.

В книге стратагемы сгруппированы по видам сражений и в зависимости от количества участников, т.е. соотносясь с конкретной боевой обстановкой. Такое разбиение обосновано тем, что книга предназначалась для полководцев. Если, однако, подняться выше конкретики 52 ситуаций, приведенных в ней в качестве примеров, то можно выделить некую общность методов или принципов, не зависящих от вида военного сражения или вооруженного конфликта и числа участников.

Будучи первоначально одним из «непритязательных канонов житейской мудрости» [Малявин 2004: 339], сборник впоследствии стал источником секретов власти, а также превратился в книгу, содержащую приемы для ведения войн и разрешения конфликтов. Известно, что конфликтом называется столкновение противоположных интересов, взглядов, а также серьезное разногласие, спор [Современный словарь иностранных слов 1992: 307]. Проблему конфликта изучает военная наука - одна из самых молодых отраслей научных знаний, которая также разграничивает категории «война», «конфликт» и «военный конфликт» [Анцупов, Шипилов 2007: 40 - 41]. В данной статье такое разграничение не рассматривается: «конфликт» и «война» находятся в гипонимических отношениях.

Использование системного и факторного анализа позволило взглянуть на ее содержание по-другому и выделить главное – принципы ведения войны и связи между ними. Таких принципов было отмечено всего